

ЕСТЬ У ДОМА СТАРШИНА

- Здравствуй, дядя Юра!
- Привет, Давыдыч!
- Салют, старшой!

Разновозрастные обитатели подъезда здороваются с ним всяк по-своему, однако во всех приветствиях неизменно чувствуется уважение, которое никак не объяснишь только его должностью - старший по подъезду. Такое отношение зарабатывается годами.

Со старшими поколениями он вместе старится в этом подъезде с 1976 года, молодые - выросли на его глазах. Юрий Давыдович Бродский знает буквально каждого жильца по имени-отчеству, безошибочно называет номера их квартир на каждом из 16 этажей.

Слава богу, не перевелся еще у нас такой тип людей, которым до всего есть дело, - неравнодушные, упертые, если надо отстоять общественный интерес. Причем держатся они на одном энтузиазме, чистые бесребреники. Бродский - инвалид второй группы, ему и так полагается 50-процентная скидка по квартплате, так что «старшинские» ему ни к чему. Даже платить за кодовый замок он вроде бы не должен, но поскольку «жировку» приносит исправно, то свои 5 рублей 07 копеек он вносит в городскую казну неукоснительно.

Юрий Давыдович занят важным делом: собирает подписи против установки телекамеры в подъезде. Я удивляюсь:

- Да вы прямо ретроград какой-то! О видеонаблюдении сегодня только и говорят...

Бродский горячится:

- Может, эта штука и модная, но что от нее толку: на мониторе в одно место выводится картинка с нескольких десятков подъездов, дежурные жителей не знают, пропустят кого угодно. То ли дело наши консьержки - «живой» глаз ничем не заменишь, никакой техникой. Видите, мы и условия им создали приличные - отдельная комнатка, я и телевизор им свой прищипил, и мебель какую-никакую, под лестницей даже туалет устроили. Есть и тревожная кнопка к диспетчеру. Одно только не пойму: положено им 2500 рублей платить, а «чистыми» достается чуть больше тысячи. Жаловался я и во вневедомственную охрану, где они оформлены, и в управу района Зябликово, к которой наша улица Мусы Джалиля относится. Прислали расшивки, из которых видно, что только на какие-то никому не ведомые «накладные расходы» вычитают по 367 рублей. Куда это годится? И ведь ничего этим чиновникам не объяснишь.

Юрий Давыдович уговорил жителей подъезда скидываться понемножку и доплачивать консьержкам. Народ в подъезде понимающий, деньги вносит, поскольку с дежурными все же поспокойнее. Но даже неугомонный Бродский не может пробить проблему дверей. Раньше в подъезде было три двери, получался своего рода небольшой лабиринт, который останаивал сквозняки. Чья-то неумная голова приказала от одних дверей избавиться, и теперь ветер напрямую врывается в комнату консьержек. Сколько он ни требовал, чтобы восстановили старое устройство входных дверей, ничего не получалось. Тогда старший по подъезду применил тактическую хитрость: попросил прийти директора ДЕЗа и посадил его прямо на ветерок у дверей. Тот посидел минут десять и вдруг начал ежиться:

- Поддувает у вас тут...
- Вот! Теперь понимаете, каково тут людям работается. Так делаете нам двери?

Директор ДЕЗа вынужден был согласиться. Тем не менее прошло уже больше месяца, а дверей как не было, так и нет. Но от Бродского просто так не отделаешься. Это понимают и в ДЕЗе, и в управе. Не случайно там его за глаза называют «банный лист»: прицепится - не отлепишь. Проще сделать так, как он требует, тем более что за ним моральное право - не для себя ведь старается, для людей, для дела.

Правда, и чиновное рвение ставит иной раз Бродского прямо-таки в тупик. Одна из специалисток управы однажды при встрече с ним спросила не без некоторого самодовольства:

- Ну что, Юрий Давыдович, довольны?
- Чем?

- Как же, мы ведь вам во дворе ограду поставили.
- Ах, ограду... У вас найдется несколько минут, чтобы заглянуть в наш двор?

- Отчего же, пожалуйста.

Бродский вызвал дочку с машиной и повез чиновницу к себе. Показал ей, как нелепо и никчемно установили этот железный барьерчик - двор как был проходным, так и остался, жители соседних домов идут напрямую, чуть ли не тропу протоптали. Властная дама только ахала и охала, а когда вернулась в управу, приказала дезовцам закрыть брешь. Те недолго думая сняли ограду от другого подъезда и поставили этот кусок барьера возле входа Бродского. Обиженные жители примчались выяснять отношения, дело чуть до кулаков не дошло. Хорошо, Бродский им все растолковал. Что называется, проявил ДЕЗ усердие не по уму. Эту ограду он показал мне - ее куски даже цветом отличаются, а часть и вообще не покрашена, так и стоит ржавая. Нужно добавить метров сорок ограды, но руки у дезовцев все никак не доходят. Юрий Давыдович показывает мне песчаные проплешины на газоне:

- Который месяц прошу, чтобы привезли пару машин земли. Чиновники в ответ вопрошают:

- А кто эту землю раскидывать будет?

- Да я, я раскидаю! В крайнем случае ребят из нашего подъезда попросу.

Везут...

Жители соседнего подъезда, увидев, как он благоустроил комнату дежурных, попросили его помочь сделать и у них такую же. И еще повосхищались:

- Как у вас чисто, уютно!

Но самому Бродскому совсем не кажется, что у них на входе так уж комфортно. Он топает по старому линолеуму в лифте:

- С самого начала не меняли! Неужели лифтовикам трудно освежить кабинку? Ну, я до них доберусь.

И доберется. Как добрался до дезовских маляров, которые замазали стены подъезда водоземлемой краской какого-то непотребного цвета. Накатал письмо, и не кому-нибудь, а самому мэру Москвы Юрию Лужкову. Из ДЕЗа тотчас примчались, закрасили масляной краской полосу сантиметров на 50-60 от пола и удалились с сознанием честно выполненного долга, доложили в мэрию об удовлетворении жалобы. Но Юрий Давыдович не из тех, кто покрывает «липу» - продолжает штурмовать ДЕЗ и пока не спешит развесить в подъезде собст-

венноручно изготовленные полочки для цветов - когда-то закончил художественное ремесленное училище, руки у него золотые. Он по институтскому образованию строитель, много лет работал на разных должностях в автохозяйствах, так что во многих сторонах жизни разбирается обстоятельно, лапшу на уши дезовские строители уж никак ему не навесят.

...За трубой в холле подъезда торчат лыжи. Спрашиваю:

- К зиме готовитесь?

- Да нет, увидел как-то, что один из жителей понес их на помойку, забрал, а когда ребята из соседнего детдома вернутся после летнего отдыха, отнесу им - лыжи-то еще добротные, да и крепление замечательное.

В любой армейской роте есть старшина - хозяин и главный заботчик. Наверное, в каждом доме московском должен быть свой старшина, тогда и жизнь пойдет по-иному.

Так что, здравствуйте, Юрий Давыдович! В смысле - здоровья вам...

Виктор ШИРОКОВ

ФОТО АЛЕКСАНДРА ВОЛОДИНА

У Игнаса Пелехши - своя Москва. Это город мостов, тоннелей, набережных и фонтанов. Инженерные сооружения, которые так украшают Москву и так нужны ей, обслуживает отдел эксплуатации Гормоста, руководимый Пелехшей.

НЕ НАДО АПЛОДИСМЕНТОВ

Эксплуатация - это не капитальный ремонт, не реконструкция, это ежедневная, как правило, незаметная постороннему взгляду работа, без которой, однако, оказываются бесполезными и мастерство строителей, и творческая фантазия архитекторов - сооружения перестанут отвечать своей функциональной цели. Но в дни подготовки ко Дню города к повседневным заботам эксплуатационников Гормоста прибавились предпраздничные.

Из 1327 объектов, которые эксплуатирует Гормост, 470 мостовых сооружений. Это и изящные пешеходные мостики, и мощные автомобильные мосты, и остекленные пешеходные переходы над транспортными магистралями. Эксплуатация каждого объекта включает в себя не менее тридцати различного вида работ. Случись так, что вдруг перекроют какую-нибудь улицу, объезд все равно можно найти, но если перекроют автомобильный мост - для города это настоящее ЧП. Главная задача службы эксплуатации - не допускать таких ситуаций.

При высоком уровне технической оснащенности Гормоста для отдела эксплуатации главными орудиями труда остаются

человеческие глаза и руки. Найти небольшую трещину или другую «язвочку», которые могут привести к серьезным разрушениям, можно только внимательным взглядом. Людей, которые ежедневно тщательно обследуют состояние всех частей мостовых сооружений, мы почти не видим. Кому придет в голову вглядываться: что там делается под огромными фермами моста? Но вот бригада, которая приводит в порядок остекленный пешеходный переход у Киевского вокзала, работает у всех на виду. Рабочие моют обширные стеклянные поверхности перехода. Работают, как альпинисты на горном склоне, и снаряжение у них - как у любителей экстремального вида спорта. Только в руках - специальные приспособления для очистки стекол. В переходе - генеральная уборка к празднику. «Пользоваться тяжелыми подъемными машинами здесь нельзя, объезд все равно можно найти, но если перекроют автомобильный мост - для города это настоящее ЧП. Главная задача службы эксплуатации - не допускать таких ситуаций.

Чтобы содержать переход в безопасном и технически исправном состоянии, нужно не только периодически отмывать остекленные поверхности. Внутри перехода бесперебойно работает эскалатор, по-

лы сверкают чистотой - при том, что поток людей не иссякает почти круглосуточно.

Рядом с переходом еще один подопечный отделу эксплуатации объект - фонтан «Похищение Европы». Все 55 фонтанов Москвы эксплуатирует отдел Игнаса Пелехши. Когда будете любоваться ими, обратите внимание на прозрачность и чистоту воды, на равную высоту и интенсивность струй. О секрете красоты московских фонтанов рассказал Николай Власов, заведующий фонтанным хозяйством Поклонной горы. Он провел нас «за кулисы» сверкающей анфилады фонтанов.

- Это водоем обратного водоснабжения, - поясняет Власов. - Покрасовавшись в струе фонтана, вода поступает сюда и снова в фонтан. Знаете, сколько струй в этом фонтане? 1036! А диаметр каждого отверстия, через которое она бьет вверх, - 0,8 миллиметра. Даже мелкий мусор может такую струю перекрыть. И такое бывало, когда комплекс пустили в 1995 году. Пока не додумались поставить в водоеме фильтры первичной очистки. Изобрели и сделали их сами. Сами и убираем с них всякую дрянь. Ведь чего только в фонтан не бросают! Потом вода через мелкие фильтры идет

сюда, - Николай Семенович похлопывает по огромной трубе диаметром 2,2 метра. Сердце фонтана - насосный зал, только качают насосы не кровь, а воду. Так и под каждым фонтаном - целый город.

Подземных объектов у службы эксплуатации Гормоста много. Кроме фонтанов - многочисленные транспортные тоннели и пешеходные переходы. Эксплуатировать их - значит в первую очередь обеспечивать безопасность.

Вот мы проезжаем по Гагаринскому тоннелю, и Игнас Пелехша поясняет: «Здесь, бывает, проходит до шести тысяч машин в час. Вы представляете себе пробку в таком месте? 15 минут скопления такой массы авто - и загазованность превысит все допустимые нормы. А пожар? Кроме диспетчерской службы, которая круглосуточно следит за состоянием каждого тоннеля, у нас есть и средства быстро ликвидировать аварийную ситуацию. Есть эвакуатор для машин, специальная «водяная стена» для тушения огня. Но бывают совсем неожиданные случаи - в тоннеле опрокинулся «миксер» с несколькими тоннами бетона. Кажется, невозможно, но такое случалось дважды. У нас и для таких случаев есть специальная техника и средства.

...Подъезжаем к Лифортскому тоннелю. Вернее, к будущему тоннелю. Уже сегодня служба эксплуатации Гормоста работает в нем: изучает конструктивные и строительные особенности, оборудование, сопроводительную документацию. Этот тоннель - уникальное сооружение для современной Москвы. И грамотная его эксплуатация - работа тоже уникальная.

Правила эксплуатации подобных объектов разрабатывают сами специалисты организации на основании собственного опыта, а утверждаются они правительством Москвы. Опыт этот содержит немало оригинальных решений. Например, способ пескоструйной очистки склонов набережных. Ухоженный, эстетичный их вид - не главная цель. Мы стоим на набережной Яузы, и Игнас показывает на противоположный склон. Конечно, на тот участок, где прошла сегодня днем бригада Гормоста, смотреть гораздо приятнее, но на грязном участке там и сям выглядывают зеленые кустики. Оставь их как есть - набережная начнет разрушаться. Очистка этих поверхностей струей песка под давлением оказалась наиболее эффективной.

Красота и безопасность на объектах Гормоста взаимосвязаны. Так, за месяц силами бригады отдела окрашено 86 километров ограждений МКАД, не говоря о том, что ежедневно восстанавливается множество поврежденных ограждений на набережных, эстакадах, транспортных развязках. В прошлом году на Горьковской эстакаде упал с прицепа тяжеленный контейнер и обрушился на ограждение. Оно выдержало удар, контейнер не рухнул на оживленную транспортную магистраль под эстакадой.

Работа отдела эксплуатации Гормоста незаметна: здесь не перебивают оркестры... Но отсутствие «громких» событий и есть самая высокая оценка труда всего двухтысячного коллектива отдела эксплуатации - рабочих, инженеров, специалистов.

Наталья КРАСОВА